
В. П. Самохвалов,

Запорожский государственный медицинский университет, кафедра психиатрии, психотерапии, общей и медицинской психологии, наркологии и сексологии;
Ричмондское психосоциальное Товарищество Чешской республики.

V. P. Samokhvalov,

Zaporozhe State medical university, Department of psychiatry, psychotherapy, general and medical psychology, narcology and sexology;
Richmond psychosocial Foundation Czech Republic.

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ

ВВЕДЕННЯ В ПРОБЛЕМУ СОЦІАЛЬНОЇ ПСИХОПАТОЛОГІЇ INTRODUCTION TO THE PROBLEM OF SOCIOPSYCHOPATHOLOGY

УДК 616.89

Статья поступила в редакцию 25.03.2016.

Резюме

Предполагается, что некоторые макросоциальные феномены могут быть рассмотрены с позиции социальной психопатологии. Одним из них является индуцированное социальное бредовое расстройство и поведение жертв массового насилия. Предлагаются варианты развития социальной психопатологии как синтеза клинической психиатрии, социобиологии и социологии.

Ключевые слова

социальная психопатология, индуцированный бредовый психоз, агрессия.

Резюме

Передбачається, що деякі мікросоціальні феномени можуть бути розглянуті з позиції соціальної психопатології. Одним з них є індукований соціальний маячний розлад і поведінка жертв масового насильства. Пропонуються варіанти розвитку соціальної психопатології як синтезу клінічної психіатрії, соціобіології та соціології.

Ключові слова

соціальна психопатологія, індукований маячний психоз, агресія.

Resume

It is assumed that certain social macro-phenomena can be viewed from the perspective of sociopsychopathology. One of them is induced delusional (paranoid) disorder and social behavior of mass violence. Available options for the development of sociopsychopathology as a synthesis of clinical psychiatry, sociobiology and sociology.

Keywords

sociopsychopathology induced delusional psychosis, aggression.

От социальной психиатрии и психологии к социальной психопатологии. Социальную психологию, изучающую закономерности поведения и психологии человека, связанные с принадлежностью к группам, сообществам, этносам и социальную психиатрию, занятую изучением влияния социальной среды на психическое здоровье объединяет социальная история.

Социальную историю можно рассматривать с позиции суммы индивидуальных историй людей конкретного общества. Однако аналитики, психологи, политики и психиатры понимают, что массо-

вые психические, или, по выражению В.М. Бехтерева «коллективные рефлексы» [1], несводимы и даже часто противоречат индивидуальной психологии, поведению и образу мыслей отдельного человека, обусловлены принадлежностью его к определенной группе, временной, как, например, к толпе или относительно постоянной – партии или объединению [2 – 4]. Личность может быть ориентирована позитивно, но оказываясь в новой или аномальной социальной символической среде, вдруг обнаруживает преступное поведение, возможно и обратное, когда криминальные или дисоциальные элементы в ином социальном окружении ведут себя альтруистично. Доминирующее и сверхценное восприятие лидера, взаимное индуцирование, притяжение и отталкивание, экспансивная готовность к действию, деструктивность, которая сменяется массовым самопожертвованием, стереотипное повторение лозунгов и призывов, сметание всех преград, вслед за которым следует спорадическое бегство, разочарование и экстатическая вера являются лишь некоторыми описаниями коллективного сознания в период революций и протестов. Подобные коллективные явления могут быть осознаны с позиции индивидуальной психопатологии, но возможно требуют особого социально-психопатологического подхода. Эти острые и хронические процессы в современную эпоху украшены и стимулируются массовыми коммуникациями и компьютерными технологиями, превращающими человека в единицу часто анонимной толпы, которая поглощает индивидуальное сознание, нивелирует личностные особенности.

Общество материального потребления, превращаясь в общество информационного потребления, уже не может отличить правду от лжи, добро от зла, пользу от вреда, которые становятся инвариантными, как противоречивыми являются и информационные потоки. Множественность и противоречивость позволяют вместо типажей лидеров времен Французской революции и последующих революция вплоть до начала XXI увидеть на исторической сцене анонимные группы, члены которых могут даже не знать истинные имена остальных, выдвигая на первые позиции таких же анонимов, которые управляемы скрытыми лидерами. За последнее столетие массовое сознание стало иным, что ощущается во всех его проявлениях, в искусстве, науке и технологиях, отношении к семейным ценностям, сексуальности, экономике, философии [5]. Изменилось представление о границах нормы, которые и ранее неразличимые, теперь образовали внутри психиатрии и психологии логические анклав. Благодаря медиализации расширились границы понимания зависимости и утраты контроля над собственными импульсами, к созависимости стали относить то, что ранее считали любовью, с другой стороны – антипсихиатрическое движение и психологизация большую часть аутизма стали воспринимать как явление естественной эволюции человека, «мягкие» наркотики и заместительную наркотизацию необходимыми, а гендеры и трансгендеры намекаются условно и перетекают друг в друга. Нормой стал когнитивный диссонанс, амбивалентность суждений и амбитендентность выбора политической и нравственной ориентации, расщепление на уровне смысла и поведения, стереотипизация суждений в стиле слоганов рекламы, демонстративная работа над собственным имиджем, доступная для всех пользователей гаджетов, обнаженная открытость и отсутствие сдерживания порывов ярости в сетях, откровенная ложь и девальвация ценностей с единственной задачей – вызвать к себе интерес. Все эти процессы обусловлены социальной, культуральной эволюции и они влияют на проявление индивидуальной и коллективной психопатологии, их принципиальное отнесение к неврозу, психозу или норме. Стереотипизация данных процессов в социальной истории связана с индуцированием.

Коллективное сознание и история содержат множество примеров как индуцированного помешательства, то есть психоза, который носит эпидемический характер, охватывая целые популяции или малые группы, так и примеры индуцированного самопожертвования. Вероятно, желание принадлежать к группе, нации, идее или так называемое массообразование основано на биологической природе человека. Существующая социальная психиатрия изучает влияние факторов социальной среды на психическое здоровье человека или общины, и разрабатывает позитивные методы социального влияния на психические расстройства. В случае социальной психиатрии мы сталкиваемся с индивидуумом и макрочуждением, но не с описанием типологии и психопатологии аномального и деструктивного общества. Социальная психопатология, которая пока не существует как отдельная наука, тем не менее, уже содержит достаточно отчетливые описания социальной депрессии, причиной которой пока считается экономический кризис, социальные тревоги, которые проявляется в апокалиптических настроениях, социальной эйфории и даже социального «расщепления», к которому относится понятие двойного или множественного стандарта, хотя известно, что первоначально понятие «расщепления» ассоциировалось только с шизофренией. Описаны эффекты «внезапного отсутствия» и экстремальной девальвации, очередей, группирования и популя-

ционной деструктивности движения «новых русских» в первые годы после распада СССР [6]. Отдельно рассматриваются случаи индуцированного бреда, которые могут являться особыми формами социальной психопатологии.

Психотичностью, требующей немедленного вмешательства, обычно психиатры называют поведение, которое угрожает жизни самого индивидуума, в нашем случае – общества, в связи с высоким риском суицидальности или поведении, которое предполагает деструктивное разрушение, а также убийство окружающих. В широком смысле, любая война и агрессивное противостояние содержат психопатологический элемент, а некоторые психозы включают галлюцинаторные видения войны даже у тех индивидуумов, которые с ней никогда не сталкивались. Разграничение войны и психоза обычно основано на том, что при обычной агрессии жертва противостоит натиску с большей или меньшей успешностью, при психотическом поведении уничтожаются невинные и причиной являются не территориальные или ресурсные претензии, а символическая система самого бреда. Здесь и далее под бредом мы будем понимать принятое в классической психиатрии – «бред – это ложное умозаключение, возникающее на болезненной основе, которое не подвергается критике и при этом данное умозаключение определяет поведение человека или группы людей» [7].

При некоторых формах бреда вся система подобных умозаключений, к которым относится также и идея национальной исключительности или, соответственно, неполноценности, эмоционально окрашена и экспансивна, при других существует долгие годы в латентном, скрытом состоянии. Бредовые убийства даже в индивидуальных случаях характеризуются выраженной жестокостью и есть множество оснований считать, что именно к ним следует относить и серийные убийства, которые не мотивированы ограблениями. Они нередко совершаются на фоне измененного сознания, например наркотического или алкогольного опьянения. Параллельное с историей войн развитие вооружения привело к тому, что сожаление по поводу жертв уже не нуждается в покупке, они все более и более дистанцированы от агрессора. Время также само по себе образует дистанцию и стирает память. Это создает объединение в определенной части социального сознания жертв и «археологических артефактов» требующих многолетнего расследования и объясняемых совершенно противоположно и часто паралогично, опираясь на мифологическую логику. Следует также отличать агрессию при индуцированных бредовых психозах от культовых убийств, в частности у майя, ацтеков, инков, гекатомб. Культовые убийства являются частью конкретной устоявшейся культуры, а жертвы выбираются по определенному принципу из своей же среды и, в большинстве случаев, изначально они готовы к неизбежному. В частности, при децимациях в Риме по жребию в воинских подразделениях, разделенных на десятки, убивался каждый десятый в случае потери знамени, бунта или дезертирства, при этом убийство осуществляли девять оставшихся в живых солдат. В Афинах массовые жертвоприношения 100 быков в честь Зевса и Аполлона приходились на первый месяц по аттическому календарю – гекатомбион с 15 июля по 15 августа, в дальнейшем, в переносном смысле, гекатомбами стали называть также массовые и бессмысленные убийства в результате войн, эпидемий и террора. В символическом смысле жертвы гекатомб знаменовали собой вхождение в новый годовой цикл. Теперь мы видим сходные ритуальные жертвоприношения инакомыслящих, совершаемые с определенным ритмом сторонниками ИГ (ДАИШ). Одновременно, сотни тысяч людей, презирая трудности, бегут от войны на Востоке, при этом значительная часть их гибнет или тратит на бегство последние средства, но в результате исхода в другую культуральную и экологическую среду их поведение меняется, также радикально меняется поведение жителей стран, принимающих мигрантов. Бегство от смерти и войны для многих неожиданно становится сходным с латентным самоубийством, а альтруизм «принимающей стороны» оборачивается у многих страхом, тревогой, ксенофобией и агрессией против пришельцев.

Массовое убийство и самоубийство являются доказательствами социальной психопатологии и требуют диагностической оценки и вмешательства, так же как стремление к самоубийству или убийству при любой индивидуальной психопатологии являются поводом для неотложной госпитализации. Но если индивидуальная психопатология оценивается феноменологически в традициях К. Jaspers [7], то как следует оценивать массовые социальные феномены? Можно ли говорить о том, что аномалией является бунт, протест, война, революция, социальная деградация и утрата ценностей, социальная апатия, неконтролируемый исход в результате индуцированного панического страха, и можно ли утверждать, что некоторые общества, группы и общности переживали или переживают некий острый или хронический социальный психоз? На бытовом уровне подобная номинация «социальной болезни» лидеров и групп, а также необходимости их «лечения» встречается все чаще.

В классических традициях психиатры, рассматривая поведение и высказывания, выделяют сферу психического статуса, состоящую из эмоций, памяти, мышления, сознания, инстинктов, личности поведения, интеллекта. Но как следует описать психический статус социального явления? Здесь то, что может быть анамнезом заменяется некоторыми общими представлениями о событиях и чаще противоречивыми описаниями, литературой, свидетельствами очевидцев и СМИ, хрониками, экологией окружения, историческим временем, для которого то или иное событие было морально допустимым или нет, то есть моралью и философией времени. Мы лишь в общих чертах можем описать социальную память, сознание, мышление и инстинкты, в частности потребления, агрессии, но теряемся в описании обобщенной этнической или социальной личности и определении социального интеллекта. Чаще всего, именно отрыв социального события от культурального или религиозного контекста заставляет говорить о патологичности и аномальности. Если описывать статус лидера, то задача упрощается, можно связать его харизматичность, личностные и аномальные черты с массовыми явлениями и индукцией, но и здесь присутствует очевидная сложность, ведь мы об этих явлениях судим по информации СМИ, которая обычно кем-то ангажирована.

Пока можно остановиться на известных и не вызывающих возражения личностях и установленных ранее расстройствах, с которыми поведение этих личностей возможно связать. Этот подход принято называть патографическим. В его основе лежит клиническая биография личности. Но стоит отступить от единичного к множественному, то есть социальному, когда биографию сменяет история, приходится полагаться лишь на гипотезы даже на уровне феноменологии, которая теперь уже носит не индивидуальный, но эпидемический характер. По сути, кроме мнений адептов психоанализа и социологии [1 – 5], а также классической психиатрии [7], можно пока опереться только на социобиологию. Но тогда биологические аналогии неизбежны и вместо культуры и общества придется вспомнить о прайде, популяции, стае, системе «плата-выигрыш», межамцово́й агрессии, территориальности и установлении рангов доминирования и, словом, обо всех, принятых в социобиологии понятиях.

Индукцированное социальное бредовое расстройство. Индуцированное бредовое расстройство как особая форма психической патологии описана в Европейской классификации психических и поведенческих расстройств под шифром F24 [8]. Следует заметить, что и в норме все психические процессы отличаются высокой индуктивностью, хотя, по-видимому, нет ни одного психопатологического расстройства, которое бы не имело психологических аналогов. Направленно и осознанно высокая индуктивность и внушаемость используются широко в педагогике, политтехнологиях, трансформациях и реформах в экономике и государственных институтах, рекламе, СМИ и эти её главные области воплощения связаны между собой. Человек является коммуникативным существом и каждый его жест, мимика, речь предполагают некий ответ окружающих, имитация такого ответа является сигналом, облегчающим коммуникацию. Стереотипное повторение сигнала приводит к лучшему социальному закреплению, что в частности выражено во фразе: «Повторение – мать учения». Индукции способствует ситуация религиозной секты или аномальной семьи, закрытость тоталитарного сообщества с выраженной фигурой вождя, географическая, культуральная и языковая изоляция. Наиболее высока индуктивность у детей и подростков, у лиц с низким интеллектом, у женщин в климактерическом и предклимактерическом периоде. Женщины в целом более подвержены индукции, чем мужчины. Индукция лежит в основе образования религиозных и политических течений в центральных декларациях которых, благодаря ей, первоначально за прекрасными лозунгами теряются агрессивные призывы, как это произошло с Манифестом Коммунистической партии, в котором за призывами к равенству и братству звучали и затем приобрели руководство к действию, призывы к уничтожению религии и частной собственности, как за гуманистическими призывами Французской революции вдруг выступило массовое уничтожение и Вандея. В системе индукции имеет значение сам источник этой системы – индуктор и реципиент, который своими высказываниями и поведением способствует усилению продукции индуктора. В основе биологии индуцирования лежит так называемый «эффект аудитории», толпы, стаи или «социального облегчения» («social facilitation»), которые описаны у птиц, млекопитающих, человека [9, 10]. Механизм этих феноменов заключается в том, что конкретное поведение и связанное с ним эмоциональное выражение осуществляется быстрее, если оно наблюдается у окружающих. Благодаря этому, чем больше число наблюдателей, тем больше становится индукция. Среди аудитории, в этом случае, высока вероятность выделения нескольких сензитивов, то есть высоко подверженных индукции и внушаемости, выполняющих роль посредников в эпидемическом распространении поведения или речи доминантного индуктора. Через некоторое время посредники начинают кон-

курувати в своїй індуктивності з лідером, займають його місце або усуваються. Ця конкурентність розуміється як встановлення нової ієрархії соціальних рангів і нової системи домінування. Розповсюдженість патологічної індукції і індукційованих бредових розстройств недооцінюється, хоча в найновіше час до них слід відносити нацизм, деструктивні сектантські течії, в частині мунізм, самаджизм, тоталітарні псевдокомуністическіе і мусульманські рухування. Існує первоначально як секти, ці течії індукують інші групи, які приєднуються до них в момент беспорядків, революцій і переворотів. До таких груп відносяться маргінальні молодіжні націоналістическіе рухування, скінхеди, футбольні болельщики і навіть професійні рухування. Ряд і індукційованих груп розуміють можливість групового і ритуального убийства і самоубийства, героїзують погиблих во імя ідеї, як це було в випадку Хорста Весселя (Horst Ludwig Wessel, 1907 – 1930) в нацистській Німеччині, будують власну групову міфологію, багату символікою від форми одягу і різних знаків до стилю поведінки імітуючого домінуючого лідера з його системою привітання, манерою розмови, жестовою і міміческою експресією, смаками і уподобаннями. Всі подібні течії модифікують поведінку членів груп, партій і суспільств до ступеня змін особистості настільки стійких, що вони фіксуються навіть після розпаду течії. Подібна модифікація поведінки достатньо детально описана А.Л. Дворкіним [11]. В соціальної психіатрії описано магіфреніческіе тип адаптації – розвиток магіческою мислення з переобладнанням сцержченних і бреводоподобних ідей містическою і ірраціонального змісту. Ця адаптація визнається одним з варіантів соціально-стрессорного розстройств і виникає в періоди соціальної нестабільності [12]. Вона чітко передісторіює розвитку соціально індукційованого бреда.

Індукційовані бредові ідеї в парі, групі і суспільстві зв'язані з ідеями отравлення, порчі, деструкцією моралі, які приписуються іноземцям, цілим націям, країнам і народам, конкретній релігійній вірі, іншому образу життя. В атрибутику доказальності шкоди джерел передбачуваної шкоди входять друга морфологіческіе антропологія від форми черепа до співвідношення розмірів кінцівок, колір шкіри, звичаї, наприклад підтримання чистоти тіла, таємний захоп матеріальних і фінансових цінностей. До числа «нових» ідей в індукційованому бреді входять концепції кінця світу, походження власної ексклюзивності як расової, так і ідеологіческою, месіанство. Таким чином, будують і нова релігія або її сектантське відгалуження. Індукційований бред, як очерченний синдром, має в своєму розвитку всі общеприйняті стадії бреда описані К. Конрад [13].

На першій, позначуваної як трема, виникає безтурботна тривога, розгубленість, світ наповнюється символікою, інтенсифікуються уявлення, виникає соціальна депресія і багаточисленні ідеї реформаторства. Звичайно ця стадія характеризується підвищеним інтересом до езотеріки, магії, психоенергетики і з'являється в результаті, або передісторіює економіческою кризі і розпаду країни, з'являються чіткі ознаки деморалізації, руйнування общелюдських, сімейних і традиційних релігійних цінностей. Подібні процеси при індивідуальному бреді во багатому схожі з соціальним індукційованим бредом. До цієї стадії, в частині відноситься економіческіе депресія в Росії передісторіювала Октябрьської революції на фоні інтересу до символізму в мистецтві, з всеобщим захопленням інтелігенції психоаналізом і теософією, глибока стагнація з відчуттям національного пониження в Німеччині після першої світової війни, справжня «психоенергетическіе» епідемія в СРСР в кінці 80-х років ХХ століття з поклонінням багаточисленним екстрасенсам, провідцям і астрологам. По суті це магіфреніческіе тип адаптації описаний вище [12].

В архаїческіх суспільствах стадія тремі описана як «шаманська хвороба», яку зв'язують з смертю шамана або вождя як значимих сакральних фігур. Цей період еквівалентний радянському часу «смерті вождів». Можливо, передісторіює подібних змін в тремі передісторіює власне початку розвитку бреда, во іменується «зарницею психоза», що в поетическою формі виражено в Маніфесті комуністическою партії «Як призрак блує по Європі...». Тривога і розгубленість, з'явлення привида померлого шамана, матеріалізація духів з спробами знайти нову священну фігуру в архаїческою традиційному суспільстві продовжують до того часу, поки вона не виявляється. Цей же вибір значимої фігури відзначається і в сучасній культурі.

На другому етапі, позначуваному як апофена, виникає кристаллізація бреда. В результаті природного відбору ідей і лідерів формуються центральні міфологеми, які подібно се-

миотическому вирусу разрушает уже существующие символические системы, воображение фиксируется на моноидее исключительности, проясняется и дегуманизируется образ внутреннего и внешнего врагов, которым приписываются все возможные недостатки. Подобный же смысловой вирус утверждает терроризм как естественный ответ на любой экономический или политический вызов [14]. В СМИ возникает карикатурные образы с невербальными знаками уродств и ассоциациями мнимых врагов с животными, упырями и вампирами. Проявляются признаки вербальной агрессии. I. Eibl-Eibesfeldt [15] пишет: «Вербальное нападение имеет универсальные принципы. Паттерны унижения, обличения, ниспровержения, подстрекательства и вербальная дегуманизация в принципе сходны в большинстве, хотя и не во всех культурах». Система «чистки» рядов, термин, который теперь манифестирует как «зачистка» представляет собой процесс естественного и искусственного отбора лидеров, их окружения и целых народов в период формирования апофенной стадии. Он описан во время всех периодов дестабилизации, как в Германии, так и в СССР, но принимает наиболее страшные формы при красных кхмерах в Кампучии, когда за короткое время было уничтожено 1.7 млн. человек на основании их неблагонадежности. Эта стадия сопровождается угрозой геноцида, например евреев в Египте, в странах Ближнего Востока, Африке и Испании приведшие к массовой миграции, преследования иноверцев в период религиозных войн в Европе, психотическими крестовыми походами и особенно крестовыми походами детей, резней армян, дискриминацией по признакам веры. Канувшие в лету народы, возможно, были жертвами массового уничтожения, а их следы растворились в результате ассимиляции.

При подобной генерализации бреда, охватывающего все стороны действительности, говорят о развитии третьей, апокалиптической стадии бреда, для которой характерны идеи величия и эсхатологические идеи, предрекающие конец света или завершенности истории. На этой стадии бред становится мегаломаническим, превращается в часть государственной идеологии, включается в искусство и культуру, повседневную жизнь обывателей. Но он распадается в случае столкновения этой системы ценностей с сильным государством, повергая народ в последующую апатию, редукцию энергии и депрессию, прежние, пусть даже бредовые ценности девальвированы, но иных пока нет. В индивидуальных случаях говорят о достижении бредовым больным стадии парафрении, возникновении эмоционально-волевого снижения и распада личности. Иногда распад не происходит и бред «инкапсулируется» далее не развиваясь, в этом случае обычный слесарь сантехник может считать себя Великим кормчим, но поскольку это не влияет на его профессиональные качества, подобные высказывания считают лишь чудачеством. «Инкапсулированные» бредовые политические режимы все же представляют серьезную опасность, так как их внутренняя реконструктивная активность может быстро обернуться экспансией. Примерно это же происходит с локальными религиозно-политическими движениями Африки, которые ограничиваются определенной языковой или географической средой и не выходят за ее пределы, то же происходило с диктаторскими режимами северной Африки и Ближнего Востока.

Существенной характеристикой социального индуцированного бреда является роль индуктора и последующая его сакрализация. Чаще всего индуктор имеет собственный психотический опыт, более мягкий в юности и выраженный в идее реформаторства или более жесткий, например, если он переживал слуховые галлюцинации, был «свидетелем» пришествия, испытывал видения, искажения восприятия запаха, вкуса иногда и при воздействии психоактивных веществ. Это псевдошаманский комплекс делает его значимым существом для реципиентов, которые воспроизводят мифологические детали переживаний, страданий и видений лидера до мельчайших деталей, веря в его избранность историей или высшими силами. Псевдошамана следует отличать от истинного шамана, который может регулировать свои переживания в связи с конкретным камланием или ритуалом. У псевдошамана подобный контроль отсутствует, он является скорее психотиком, чем профессионалом, использующим своё воображение.

Наиболее внушаемые занимают в новой иерархии высокие посты и транслируют обретенные знания сверху вниз до уровня исполнителей воли индуктора. Истерические (диссоциированные) личности дополняют портрет своими фантазиями. Часто при массовом индуцированном психозе сложно выявить индуктора и все кажутся в одинаковой степени безумными. Единственный пока способ – разделение участников бреда, при этом система высказываний у реципиентов начинает блекнуть или вовсе исчезает, заменяясь обыденным или новым сознанием, у индуктора – напротив – расцветает, поскольку он себя считает «жертвой испытаний». Такими испытаниями становятся тюрьма, ссылка, каторга, любые социальные ограничения, сколь бы адекватными они не являлись. В любой культуре, даже в относительно спокойный и благополучный период тлеют или находятся

в латентном состоянии семиотические вирусы идей мессианства, сглаза, заговора, колдовства, конца света, нашествия пришельцев, но достигают некоторые из них эпидемического уровня лишь при соответствующих внутренних и внешних условиях нации, страны или народа. Индукторы обычно относятся к доминантным личностям с высоким и часто неадекватно высоким уровнем самооценки, первичные реципиенты всегда подчиняемы, внушаемы и зависимы.

Наилучшей моделью развития макросоциального бреда являются лидеры и члены мессианских сект, которые являются источниками индуктивных психических эпидемий. Врстая в систему политических партий, ересей и политических течений, обозначаемых как хилиастризм, они формируют собственно индуцированный бред. Один из главных постулатов всех этих мессианских образований является представление о тысячелетнем царстве Мессии, тысячелетнем государстве и господстве, тысячелетнем рейхе. Самым архаичным вариантом мессианства является «cargo-cult синдром» (англ. «cargo» – груз). Сначала он наблюдался на островах Микронезии и Океании в форме быстрого распространения слухов о том, что белые люди скоро покинут островитян, и они получат много товаров, которые к ним доставит белый пароход [16]. Распространитель слухов – «новый Мессия» – характеризовался:

- уверенностью в общении душ, доказательством которых он считал собственные обманы восприятия, например он чувствовал, что умеет читать мысли окружающих;
- престижными символами в мышлении становятся женщины, отсюда стремление к покровительству по отношению к ним и случайные половые связи, стремление получать и делать богатые подарки, повышение престижа некоторых пищевых продуктов, избирательность еды, определенная иерархия по отношению к животным;
- «Мессия» распространяет свое влияние только в пределах определенной лингвистической группы;
- использование «Мессией» неологизмов, чаще слова «cado», возможно, соответствующего лат. «cados» – хвост, являющегося эквивалентом фаллоса.

Множество аналогов мессианства более широкого религиозно-политического масштаба приписывалось Г. Распутину, Мао Дзе Дуну, М. Кадафи, и многим другим лидерам, в частности стран Африки. Индуцированное мессианство можно обнаружить и у лидеров нацизма. Связь элементов – декларирование исключительной проницательности лидера – необычный стиль его жизни, в новейшее время предпочтение экологически чистых продуктов и увлечение спортом – выбор нового престижного брачного партнера и ритуал расставанием со старым – регламентация дарения в пантеон подарков – избрание личного животного, теперь чаще определенной породы собак – использование в речи необычных словесных оборотов или нецензурной речи.

В архаичном варианте Мессия готовит учеников и последователей, изобретает новую мораль и кодекс нравов, дистанцируется с группой от основного поселения. Одежда его отличается какой-либо необычностью, иногда тона одежды кричащие и вычурные. В состоянии экзальтации он уничтожает свиней, которые являются чрезвычайно престижным символом в Микронезии и Океании, достаточно сказать, что новорожденных поросят женщины вскармливают грудью. Мессианец часто отказывается от пищи и тратит деньги, нередко их уничтожает по странным мотивам. Состояния тревоги, ожидания чуда, стремление к немедленным действиям, ожидание пришествия или конца света, направленные, в конечном счете, к достижению радости и счастья, индуцируются во время массовых выступлений, которые продолжаются очень долго, в течение нескольких часов. Стремление мессианцев долго говорить, также является универсальным для всех культур. У «Мессии» бред величия (экспансивная парафрения) обычно возникает остро, как своеобразное озарение, а индуктивный процесс – хилиастризм, развивается с различной скоростью. Впервые хилиастризм, как массовое течение описан на Самоа (1826 – 1841), как движение «мамана», затем на Гибридах (1867 – 1968) в секте Каона. Позже на Фиджи (1873) в секте Тука, на Новых Гибридах (1938) в секте Джон Фрум, на Соломоновых островах (1945) – масинга. Хотя любое религиозно-политическое движение развивается по одинаковому механизму, некоторые из них вполне прогрессивны, например движение хау-хау у майори (1864 – 1868), мусульманские течения XX века. Столкновения членов движений с властями приводят к формированию ролей мучеников, которые усиливают индуктивное влияние секты.

Близкими к хилиастризму являются синдромы, при которых позиция Мессии замещается престижной ролью предка, умершего члена рода, «царевича». Такие синдромы индуцируются верой в скорое пришествие «незаконно убиенного» с богатыми дарами. Синдромы этого типа описаны на Новой Гвинее как эпидемическая патология под названием «vailala madness». Индуктор болезни

дрожит, испытывает тревогу, его движения носят автоматический характер, иногда он застывает. Апокалипсические (эсхатологические) эпидемии, сопровождаемые индукцией и мессианством, отмечались также 28 октября 1992 года под руководством пастора Ли Янг Лин, в декабре 1993 года под началом миссионерской церкви Дэйвера. В это же время 200000 членов секты Дами ожидали конца света на стадионе в Сеуле (Южная Корея). Эпидемическая идеология нацизма также содержит эсхатологические черты, выраженные в концепции третьего рейха как завершенной истории тысячелетия.

Именно как хилиастризм возникли Белое Братство и виссарионизм, техника направленного хилиастризма заметна в психотехнологиях всех революций новейшего времени, почти всегда декларирующих прекрасное будущее, невиданный расцвет в результате борьбы со злом. Эпидемия Братства связана с именем Марины Мамонтовой (Цвигун), которая называла себя Марией Дэви Христос, и Юрием Кривоноговым, именуемым Юоанном Свами. Белое Братство развернуло невиданную пропагандистскую кампанию, которая охватила наиболее значительные города Украины, с целью предупреждения о конце света, который должен был состояться 14 ноября 1993 года, на эту же дату было назначено самосожжение членов Братства. Финансы Братства складывались из добровольных взносов членов, которые отдавали в его фонд все свои средства. В листовки Братства, наряду с предупреждением о конце света и утверждением мессианской роли Марии, включались политические, и даже экономические оценки страны, состояние которой было очень тяжелым. В результате изоляции группы было задержано около 700 её членов, 60 из них в день предполагаемого «конца» собрались на Софиевской площади в Киеве. При расследовании деятельности Братства было изъято около 30 тонн литературы. Среди госпитализированных членов течения у нескольких десятков был поставлен диагноз посттравматического стрессорного расстройства и диссоциативного расстройства. Для реабилитации членов Братства в среднем понадобилось около двух лет. После тюремного заключения организаторов Братства хилиастризм находился в скрытом состоянии, но после освобождения М. Цвигун вновь начала свою деятельность уже под другой фамилией в нескольких постсоветских странах.

Переход в латентную стадию в стиле «идеологических спор» характерен для многих хилиастрических проявлений, это же произошло с нацизмом и национал-большевизмом, которые после поражений уже через несколько десятилетий вновь возрождаются с той же идеологией, меняя лишь название и выступая иногда под маской нового толкования религиозных и идеологических основ. Системы построения мессианского индивидуального и коллективного бреда сходны: апелляция на исключительность личности или народа в связи с его уникальной историей, отделение в этой истории чистоты и иного происхождения (бред иного происхождения) – ведущая роль личности и нации в истории с воссозданием неких естественных границ территории – инвазия своих ценностей в другие культуры – война или личное противостояние.

Однако будущее парафренических и индуцированных переживаний состоит не только в спонтанном возникновении мессианства, а в техниках повышения значимости «Я». В настоящее время большинство психотехник в психотерапии и психологической коррекции направлено на укрепление «Я», его восстановление и коррекцию, так называемый «личностный рост», но вполне возможно, решение задачи структурного образования уникального и значимого «Я», которое всегда окрашено элементом величия, по крайней мере, в состоянии вдохновения, а также создание группового и корпоративного «Я». Часть психотерапевтов и коучей, поведенческих терапевтов и мастеров тренингов и ранее и теперь – бессознательно использовали и используют все элементы мессианства для модификации поведения, что создает постоянную опасность возрождения семиотических вивисектов хилиастризма.

Для суждений об индуцированном бредовом социальном расстройстве важно выделить доминантное индуктивное лицо с бредом, при этом бред у реципиентов исчезает через некоторое время при разлучении. Лидер подвергается изоляции, дискриминируется на судебном процессе или элиминируется, таким же образом поступают с наиболее активными реципиентами, далее происходит угасание индукции или бред принимает латентные формы как своеобразная память предков. В индивидуальной психопатологии используется раздельная госпитализация, а в политическом противостоянии идеология расчленения государств. К критериям социального индуцированного бреда относятся также случаи, когда один, два и более лиц разделяют бредовую точку зрения сколь бы абсурдной она не была, поддерживают друг друга в своих убеждениях и стереотипно воспроизводят клише доминанты благодаря тесным семейным, территориальным, религиозным или информационным взаимоотношениям, которые создают периодическую или постоянную возможность

прямой индукции реципиентов. Описаны случаи, когда у реципиентов возникают внушенные зрительные галлюцинации или они индуцируются и имитируют неожиданные поступки и высказывания индуктора, его предпочтения и вкусы. Такой индукции способствует социальная реклама и социальные сети.

Индукцированное социальное бредовое расстройство следует дифференцировать с обычной психологической индукцией, как нормативным поведением. Основными критериями является отчетливое искажение действительности при бреде, невозможность коррекции высказываний и критики, а также психотическое стремление к агрессии или принуждение к самоуничтожению. Деструктивность и аутодеструктивность являются главными критериями. К критериям относится также «объективизация» суждений индуктора. В частности, индуктор может быть сензитивом, первым услышавшим запах газа, который пока остальными не ощущается или предчувствовать первые симптомы землетрясения. Его информация индуцирует реципиентов, но она должна объективно проверяться. Это касается также идей преследования, реформаторства. Сложнее обстоит дело с религиозной индукцией. Так называемое «объективное» суждение, здесь может быть принято лишь при очевидно нелепых утверждениях, которые не включены в конкретный, характерный для данной религии традиционный контекст. Во всех случаях мы должны учитывать отклонение в религиозном и семейном воспитании в детстве, которые согласно психоистории L. deMause могут являться «детскими источниками терроризма и агрессивной военной экспансии» [17].

Разделение индуктора и реципиентов в последующем сопровождается, по отношению к ним, различной тактикой. Индуктора следует подвергать социальной изоляции и лечить как пациента с бредом, реципиенты после утраты доминантного лица чувствуют собственную заброшенность, депрессию, у них возникает импульсивная агрессия и духовная пустота. Подобные переживания, как синдром поражения, также могут индуцироваться и охватывать нации. Это требует продолжительной реабилитации и психотерапии зависимости. Многие в этой терапии сходно с воздействием и реабилитацией при зависимости от психоактивных веществ. Послевоенные планы реабилитации наций пребывавших под тоталитарным режимом должны учитывать опыт групповой и индивидуальной коррекции и реабилитации зависимых расстройств личности и заболеваний, связанных с утратой контроля над собственными деструктивными импульсами.

Агрессия и война – границы нормы и психопатологии. Стандартным воплощением феномена групповой агрессии у человека является война как форма достижения любой цели, когда иначе, как агрессивным противостоянием, эта цель не может быть достигнута. Подобной целью может быть любой ресурс, территория или установление доминантности. Многие считают войну своеобразным двигателем прогресса, но с позиции психиатра это всегда, в той или иной мере, явление патологическое, свидетельствующее об отстранении человека как от своей биологической, так и идеальной природы. По сути, феномен войны может быть понят в связи с проблемой внутривидовой агрессии. У животных внутривидовая агрессивная экспансия подавляется умиротворением. Этологи считают, что агрессия является частью агонального поведения, к которому относятся также кроме угрозы и схватки, поведение защиты при угрозе и схватке, а также поведение бегства и подчинения (субмиссии), которые близки к поведению жертвы. Согласно S. Freud (хотя первичная идея принадлежит С. Шпильрейну) причиной агрессии является некий инстинкт смерти «Танатос», создающий побуждение к деструкции. Предполагается по E. Fromm [18], что агрессия может быть доброкачественной, оборонительной и злокачественной. Доброкачественная агрессия может быть реакцией на осознание вытесненных желаний, реакцией на приказ и проявлением директивности как формы протеста или инструментальной агрессии, когда она используется для достижения иных целей, например для обучения (педагогическая агрессия). Эти формы агрессии считаются адаптивными, то есть приспособительными. Жестокость и деструктивность, месть, убийство не являются адаптивными и преследуют целью получение некрофильского удовольствия, которое может сопровождаться экстазом, ненавистью и сужением сознания. Деструктивную агрессию как индивидуальную, так и групповую следует признать патологическим поведением, поскольку внутривидовая бессмысленная агрессия в животном мире считается аномалией. Особые типы личностей предполагают фиксацию некрофильских черт с навязчивым интересом к смерти и разложению, фиксацией на обладании в детстве, тенденциями к возвышению технологии, утверждениями, что все живое является товаром и всякая проблема может решаться лишь насильственным путем, а также инцестуозным соединением с матерью или отцом. Некрофильские черты распространяются в культуре и искусстве, в частности в кинематографии, со смакованием сцен насилия, зомбификации и вампиризма. Романтизация и возвышение убийства, как акта очищения до-

ставляющего удовольствия, характерно для нацизма и тоталитарных культур. Вызывающие естественное отвращение фотографии и киносъёмки палачей со своими жертвами – типичные символы социального «деструктивного нарциссизма» и некрофилии. При этом внезапные экзотические убийства следует различать от продуманных и ритуализированных акций, свидетельствующих об индуцированном систематизированном бреде.

I. Eibl-Eibesfeld [15, 19] считает, что моторные адаптации животных включают видовые паттерны поведения угрозы и борьбы, которые реализуются соответствующими морфологическими структурами (например, мозговыми). Эти структуры фактически являются орудиями агрессии. Релизеры, то есть знаки окружающей среды, активируют агрессивное поведение с помощью врождённых решающих механизмов. В некоторых случаях агрессия связана с эндогенной мотивацией что определяется как агрессивное смещение – «aggressive drive». Следовательно, агрессия может проявляться как результат преобразования энергии действия других инстинктов. Например, при ограничении территориальных инстинктов возможна территориальная экспансия, пищевого инстинкта или инстинкта обладания – кража или грабёж. Разнообразие криминального поведения связано именно с агрессивным смещением. В животном мире эскалация агрессии невозможна в связи с системами умиротворения и подчинения, но также как у человека агрессия у животных является неотъемлемой частью биологической природы. Агрессия у человека является формой адаптации, но она может стать патологической. Основоположник этологической теории агрессии К. Лоренц пишет: «У нас есть основания считать внутривидовую агрессию на этапе современного культурно-исторического и технологического развития человечества, самой угрожающей из всех опасностей. Мы не сможем избежать её, если отнесёмся к ней как к чему-то метафизическому и неизбежному. Но может быть и сможем, если обнаружим её естественные причинные факторы. Всегда, когда человек достигал контроля над силами природы с помощью своей воли, за этим стояло понимание причинных взаимосвязей явлений. Учение о нормальных видовых жизненных процессах, или психология, является полезной основой для изучения патологических нарушений этих процессов» [20].

Героические, пацифистические и деструктивные модели ребёнок фиксирует с раннего детства на основе наблюдения родителей и феноменов культуры, зафиксированных в текстах, фильмах, речи и поведения окружающих [21]. Предполагается, что агрессия мотивирована не внутренними, но внешними ограничениями и является реактивной или рефлективной [22]. Ограничение целенаправленного поведения (фрустрация) приводит к агрессивному ответу. К. Лоренц предполагал, что внутривидовая агрессия является истинным инстинктом с собственным эндогенным возбуждением и побуждением. В этом случае запуск, стимуляция, эскалация агрессии развивается в рамках характерных для биологии поведения стадий состоящих из: побуждения требующего удовлетворения – поискового поведения – завершающего акта. В развертывании инстинкта агрессии последовательно отмечаются стадии: а) агрессивно предупредительные, б) агрессивно-конфликтные, в) агрессивно контактные. Они отчётливо проявляются у индивидуумов в мимике, позе, жесте, речи и могут быть обнаружены в макросоциальном поведении противостояния [23]. Для агрессивно-предупредительной стадии характерно применение системы предупреждений, ограничений в контактах стран, санкции, на агрессивно конфликтной стадии – инвективы (оскорбления) и дегуманизация противника, агрессивно-конфликтной стадией является собственно война. Эскалация конфликта может быть приостановлена соответствующими стадиями умиротворения или подчинения. Однако такая динамика характерна для случаев, когда причиной агрессии является фрустрация, при внутренней мотивации первая и вторая стадии скрываются и тогда нападение считается вероломным. Существуют врожденные механизмы агрессии, и механизмы, связанные с обучением. Предполагается, что «язык» поведенческого проявления агрессии, прежде всего по генетическим причинам различается у разных этносов, хотя и модифицируется культурой. Отсюда представление о существовании неизбежных конфликтов между этническими группами, избирательная ксенофобия [15, 23]. Представление о врожденности механизмов агрессии основано на наблюдении младенцев с 6-месячного возраста в разных обществах и этносах, у них всех проявляется так называемый страх перед посторонними. Эта система поведения включает бегство, отворачивание и отстранение от неизвестного, нового, пришельца. I. Eibl-Eibesfeldt [15] наблюдал это поведение во всех архаических традиционных культурах, которые в ту пору еще не сталкивались с цивилизацией, а также у европейских детей. Поскольку любое агрессивное поведение чувствительно к воспитанию, страх перед посторонними может усиливаться или подавляться родителями, а острые формы агрессивности в старшем возрасте «канализоваться» в символическом агрессивном столкновении, например, в

спортивных соревнованиях, даже наблюдение которых приводит к отреагированию агрессии зрителей. Однако при высоком уровне агрессивности наблюдение, но не участие, не приводит к канализации агрессии и агрессивно предупредительные, и конфликтные элементы возникают у болельщиков и индуцируют аналогичное проявление почти у всех наблюдателей. Для избегания эскалации в культурах принято прерывать соревнование, в частности бои боксеров, представлениями девушек («gerls»), а также умиротворяющей рекламой. Эти девушки или ветераны, могут возглавлять военные парады, смягчая их агрессивный подтекст.

Война как особое поведение по I. Eibl-Eibesfeldt [15, 19] связана со склонностью к взаимопомощи членов группы, готовностью агрессивно реагировать во время угрозы членам группы, мотивацией (особенно у мужчин) к борьбе и доминированию, тенденциями к захвату территории и ее защите, страхом перед посторонними, нетерпимостью к отклонениям от норм группы. Она, также как и индивидуальная агрессия, прерывается победой – поражением или перемирием – умиротворением. В норме убийство всегда сопровождается муками совести, раскаянием и социальным дистанцированием, но при убийстве по бредовым мотивам это происходит редко. Разделение чувства вины осуществляется присутствием или участием в агрессивной акции и убийстве, что имеет аналогии даже в каннибалистических культурах, как совместное поедание жертвы с теми, кто не участвовал в убийстве. В связи с этим считается, что существуют врождённые механизмы препятствующие убийству, которые и воплощены в принципе «Не убий». Однако массовая резня побежденных, в том числе женщин и детей вызывает подозрение, что подобные механизмы существуют не у всех и не всегда проявляются. В частности в истории описано своеобразное «буйное слабоумие» («dementia pugna») с эйфорией и расторможенностью, отрывочными высказываниями, которое индуцируется пением, танцами, ритмичными прыжками, канабисом и алкоголем. D.M. Warburton [24] предположил, что при этом буйстве высвобождаются галлюциногенные гипоталамические гормоны. При этом происходит подавление страха и возникает неуправляемое высвобождение агрессивных импульсов. Транс, бред инсценировки, преследования и экстаз стимулируются войной, но в период противостояния не считаются патологией, поскольку способствуют экспансии и нередко приравниваются к героизму или «бестиарности». Санкционированный прием алкоголя, курение конопли и жевание ката перед началом военных действий прослеживается в культуре от скифских и кельтских военных костров, в которые бросали коноплю до новейших времен.

Ряд исследователей считает, что война и сопровождающие её феномены не являются чисто патологическим феноменом, и подобная оценка относится скорее к эмоциональному, чем научному взгляду. Тем не менее, Медицинская Ассоциация за Предотвращение войн (Medical Association for Prevention of War) указывает: «Война это патология, но она является выражением болезни самого человеческого общества она возникает для поддержания идей, вредных для общества» [25]. M.A. Nettleship [et al.] [26] цитируя это предложение, заметили: «Одним из наиболее серьезных возражений патологической природе войны является то, что это утверждение никак не доказывается авторами. Между тем, разве могла бы война пережить тысячи лет, передаваясь от поколения к поколению, если бы она была только патологическим состоянием? Является ли смертельной мутацией изобретение войны? До последнего времени заметно, что война может быть адаптивной в положительном смысле, она способствует дальнейшему существованию и превосходству воинственных групп над мирными. Независимо от того насколько чудовищна война для пострадавших и убитых, вряд ли можно объяснить войну социальной болезнью и результатом патологических идей, охвативших противоборствующие культуры». Тем не менее, и это положение спорно, ведь из поколения в поколение передаются с почти той же частотой около одного процента популяции такие расстройства как шизофрения, эпилепсия, аффективные психозы. Относительно постоянными остаются также цифры тяжелых нейродегенеративных расстройств. Исходя из этой логики, придётся признать большую часть психической, да и соматической патологии явлением способствующим «дальнейшему существованию» человечества.

Индуктор и реципиенты индуцированного бреда. Между индукторами, в частности лидерами третьего рейха, мессиями сект и А.Б. Брейвиком и многими другими, улавливается некая связь, которая выражена в свободном и лишенном сомнений исполнении массовых убийств, холодным расчетом и неким призывом высших сил, неважно в какой форме выраженном, в виде искаженного Кантовского категорического императива или оккультного мистического построения мировидения, ощущении высшего предназначения. Во всех случаях приходится говорить об особой морали и особом видении мира, в котором из смеси элементов индивидуалистической философии, оккульт-

тизма, мессианства выстраивается стиль жизни. Хладнокровное убийство с массовым уничтожением беззащитных жертв при экзекуциях, в концентрационных лагерях относятся к патологическим формам агрессивности, поскольку они совершаются вне военных действий, в собственном тылу и носят не оборонительный или наступательный, но символический характер. Если непосредственные исполнители (реципиенты) могут быть в токсическом или экстазическом состоянии, что важно для разделения чувства вины, то организаторы массового уничтожения действуют на основе определенной искаженной логики бреда. К ней относится «научное» обоснование вредности и неполноценности жертв, например, на основе данных евгеники, психиатрической генетики, нордизма и мифологии. Девиация личности под влиянием паранаучных и ложных идей приводит сначала к личной, а затем к социальной новой системе ценностей, подразумевающей санационную (очищающую) важность уничтожения неполноценных народов, а также наций мешающих осуществлению величия. Сутью этой девиации является так называемое «нравственное помешательство» *moral insanity* Pritchard, [27] предполагающее по разным причинам, искажение морали, позволяющее осуществить любые проекты или поступки не соответствующие общепринятым стандартам. В широком смысле к этой группе относятся любые искажения социального поведения, так называемые «социопатии». Идеи нравственного помешательства могут индуцироваться и охватывать значительные профессиональные группы, когда «научный» или экономический результат достигается пытками и уничтожением жертв. Вероятно, именно этой патологией можно объяснить экспериментирование Й. Менгеле, системы стерилизации, санации и маркировки принятые в нацистской Германии, а также японские эксперименты в отрядах 100 и 731.

Классическим примером является штандартенфюрер СС Otto Ohlendorf (04.02.1907 – 08.06.1951) – начальник внутреннего отдела службы безопасности (СД), который в 1941 году руководил оперативной группой «D» и был уполномоченным начальника полиции безопасности и СД при 11-й армии. Родившись в консервативной протестантской фермерской семье, он в возрасте 18 лет 28 мая 1925 года вступил в нацистскую партию (членский номер 6531) и СС (СС-номер 880). Изучал в Киле, Лейпциге и Геттингене юриспруденцию и экономику, одновременно занимаясь политикой и экономикой. В 1933 году стал преподавать в Кильском университете экономику, несмотря на то, что образование не окончил. Судя по всему, относился к так называемому альтернативному научному направлению, связанному с национал-социалистическим взглядом на экономическую науку. В 1933 году стал ассистентом в Институте мировой экономики, где основал отдел национал-социализма. С 1935 года – начальник отдела в Министерстве экономики. В 1936 зачислен в СД, считался одним из ведущих интеллектуалов СС, готовил аналитические отчеты по немецкой и мировой экономике для высшего руководства, на которые часто бывала жесткая реакция.

Отличался неуживчивым характером и старался настаивать на своем мнении. Проведя год стажировки в Италии стал противником фашизма считая, что в отличие от национал-социализма, который опирается на свободное проявление личности и её свойств, фашизм рассматривает человека лишь как орудие для достижения цели. Свои взгляды высказывал открыто, за что был лишен права публичных выступлений. Среди его аналитических отчетов выделялся доклад «Экономика в национал-социалистическом государстве», в котором он критически рассматривал состояние дел в экономике, преобладание крупного капитала и отсутствие гибкости в принятии решений, а также явные финансовые злоупотребления руководства. Доклад вызвал резко негативную реакцию и О. Ohlendorf решили привлечь к практической работе. Отмечали отсутствие у него чувства юмора, невротичность, уверенность в том, что его мнение является наилучшим, неумение идти на компромиссы. Он постоянно и упорно выдвигал идеи экономической и политической реформации, чем сыскал себе немало противников, однако неизменно его искренность понималась руководством как преданность идеям. Не желая возглавлять айнзатцгруппу, он дважды писал рапорт об откате и только в 1942 году был освобожден от этой должности. Среди своих реформаторских идей незадолго до начала войны, он предложил принять ряд законопроектов, которые включали в себя протекцию религиозных меньшинств, юридический контроль над заключением в концентрационные лагеря, статус национального меньшинства для евреев (что распространило бы на них гражданские права). Это странным образом контрастирует с его ролью в массовом уничтожении евреев, которую он сыграл через некоторое время. Идеализм О. Ohlendorf и его святая вера в то, что нацистский режим можно реформировать, привела к тому, что Генрих Гиммлер назвал его видящем в себе рыцаря, охраняющего Святой Грааль «охранника Грааля Идеи» (*Graalshutter der Idee*). В символическом смысле Грааль понимался как недостижимая и труднодоступная, заветная цель.

После создания Главного управления имперской безопасности (РСХА) О. Ohlendorf возглавил

III управление (СД – Инланд) вплоть до краха рейха, которое осуществляло контроль за особо важными сферами внутренней жизни рейха и партии. После того как по распоряжению Гимmlера были организованы четыре айнзатцгруппы (Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD) для карательных операций на оккупированной территории Советского Союза, одну из них, «группу D», возглавил О. Ohlendorf . Целью групп, по его словам было «ликвидировать евреев и политических комиссаров в районе операций оперативных групп на русской территории». Лишь с июня 1941 по июль 1942 года подчиненная О. Ohlendorf айнзатцгруппа уничтожила около 91728 человек. Он является непосредственно ответственным за уничтожение евреев, крымчаков, цыган и военнопленных, покоящихся в Крымском Рве, в 10 км от Симферополя, дважды лично инспектировал расстрелы и не отрицал свою ответственность на Нюрнбергском процессе, хотя при этом не считал себя виновным, полагая уничтожение евреев и цыган необходимым и даже формой самообороны. По словам О. Ohlendorf, было известно, что Советы планировали тотальную войну против Германии. Для немцев целесообразнее было нанести превентивный удар, чем ждать нападения. Смысл уничтожения детей состоял в том, «что если бы дети узнали, что их родители были убиты, они выросли бы врагами Германии; целью, таким образом, было «обеспечение безопасности в долговременной перспективе». Однако, указывая на опасность цыган и евреев О. Ohlendorf считал, что они в период противостояния будут выполнять роль шпионов, поскольку не относятся ни к одной из противоборствующих сторон «как это было в период тридцатилетней войны». Он при этом ссылается на исследования «Тридцатилетней войны», написанные Рикардо Хачем и Шиллером. Ссылка на Тридцатилетнюю войну, которая продолжалась с 1618 по 1648 годы кажется странной, если учесть, что она произошла почти 400 лет назад. Еще более странным является то, что у указанных авторов нет ссылок на шпионскую деятельность евреев и цыган, разве что Ф. Шиллер писал о том, что при захвате шведами Майнца они потребовали выкуп у города, отдельный для евреев и духовенства, которые должны были внести за себя более значительные суммы [28]. В своих суждениях О. Ohlendorf вероятно опирался на иные ссылки, но какие? Вполне вероятно, что это были комментарии событий Тридцатилетней войны в стиле антропософской педагогики. В сектах вообще комментарии приобретают большую значимость, чем исходные тексты и слова лидера значат больше, чем первоисточник. В 1938 году публикует свою основополагающую книгу о Тридцатилетней войне С.V. Wedgwood [29], с которой, безусловно, был знаком О. Ohlendorf , как любитель истории этой войны. Она так её характеризовала, эта война «Морально отвратительная, экономически разрушительная, социально губительная, преследовавшая малопонятные цели, бесчестная и фактически безрезультатная, эта война вошла в историю Европы как выдающийся пример бессмысленного кровопролития». И далее «Весь сумбурный и трагичный конфликт, тянувшийся тридцать лет, дает нам поучительный пример того, как опасны и губительны для народов тщеславные и безмозглые правители». Атмосфера в Европе перед этой войной весьма напоминала аналогичный период ровно через четыре столетия и аналогичное состояние дел, предшествующее войнам и распаду империй. «Трансформации в материальном мире, крушение установившихся традиций и порядков пробуждали тягу к духовному, таинственному и необъяснимому. Те, кого не устраивала церковь, находили прибежище в оккультизме. Розенкрейцтерство из Германии перенеслось и во Францию, в Испании расцвело иллюминатство. Боязнь колдовства заразились и высокообразованные люди, среди широких масс населения распространился культ Сатаны. Чёрная магия проникла в самые отдаленные районы – от севера Шотландии до средиземноморских островов – и одинаково устрашала и суровых кельтов, и забитых крестьян России, Польши и Богемии, и практических купцов Германии, и невозмутимых йоменов Кента».

Свою личную технологию уничтожения О. Ohlendorf на Нюрнбергском процессе объяснял следующим образом:

Ohlendorf: – «Во-первых, негласность, отсутствие посторонних зрителей, во-вторых, военный метод осуществления казней (залп). В-третьих, беспрепятственная доставка осужденных и проведение казни без каких-либо волнений. В-четвёртых, наблюдение за изъятием собственности для того, чтобы нельзя было обогатиться. Вероятно, были еще какие-либо другие подробности, которых я сейчас не припомню. Во всяком случае, всякое дурное обращение как моральное, так и физическое должно было быть исключено из метода проведения казни».

Полковник Покровский: – «Вы сказали относительно дурного обращения. Что вы понимали под дурным обращением при казнях?»

Ohlendorf: – «Если, например, метод, при помощи которого проводились казни, вызывал всевозможные нервные волнения и неподчинение среди жертв и руководство оперативных команд

вынуждено было насильственным образом подавлять эти беспокойства».

Полковник Покровский: – «Что вы понимаете под подавлением с помощью насильственных мер? Что вы понимаете под насильственным подавлением волнения, возникающего среди жертв?».

Ohlendorf: – «Когда, как я уже говорил, при приведении в исполнение казни необходимо было избивать жертвы».

Полковник Покровский: – «Необходимо было бить жертвы?».

Ohlendorf: – «Я, правда, не видел этого, но я слышал об этом».

Обвинители же заявляли, что деятельность обвиняемого находится «за пределами понимания нормального человеческого разума». Находясь в камере смертников, он ободрял сокамерников и заявлял, что трудности пребывания в тюрьме ничто по сравнению с тяготами, пережитыми в последние годы войны. В динамике рассмотрения всех фотографий от периода рейха до последних дней Нюрнбергского процесса, нам демонстрируют образ человека, контролирующего свои эмоции, верящего в свои идеалы и своеобразного денди. Во время процесса молодые женщины посылали букеты цветов в камеру узника, что характеризует степень включенности этой личности в культурные реалии Германии того времени [30].

Выраженная амбивалентность (противоречивость) между вызывающим беспокойство «волнением жертв», представлением о «дурном, как моральном, так и физическом» обращении по отношению к раздетым мужчинам, женщинам и детям, идущим на смерть и результаты его двух инспекций расстрелов в Крыму, привела О. Ohlendorf к идее использования душегубок лишь потому, что он считал «неэтичным» уничтожать женщин и детей в присутствии мужчин, хотя как он говорил, «разгрузка» душегубок составляла большие проблемы для сотрудников команды. Он также говорил «Я никогда не допускал, чтобы расстрелы проводили конкретные люди. Я приказывал нескольким солдатам стрелять одновременно, чтобы избежать прямой персональной ответственности. Другие руководители групп укладывали свои жертвы на землю лицом вниз и убивали их выстрелом в затылок. Я не одобрял таких методов, поскольку как для жертвы, так и для исполнителя казни это было огромным психологическим бременем». То есть, уничтожение не было бременем для него, но могло стать бременем индивидуальной ответственности для остальных, как для палачей, так и для жертв. Эта позиция уникальности и сверхценности, предназначенности себя и отделённости от толпы, типична для индивидуалистической философии рассматриваемой личности [31], но она, как будет показано ниже, является и главной целью педагогической антропософии.

В чём же причина гомоцидальности О. Ohlendorf, её мы не обнаруживаем в традиционном консервативном протестантском воспитании, но ощущаем в этом дух эпохи. Известно, что его брат было антропософом и состоял в списках антропософского общества, что было серьёзной проблемой, поскольку позже в 30-х предполагалась тотальная дискриминация этого течения. Сами антропософы считают, что их спасло именно заступничество О. Ohlendorf, который в своих докладных записках, считая негативным явлением и отвергая астрологию, спиритуализм и оккультизм Вальдорфской школы Rudolf Steiner – основоположника антропософии, происходящей из теософии, предлагал развивать позитивные моменты антропософии, прежде всего её систему духовной педагогики и «биологического знания», в которое включалась фертилизация, контроль рождаемости и кристаллизация расы. Это может свидетельствовать о том, что мировоззрение О. Ohlendorf могло быть результатом воздействия идей R. Steiner и Вальдорфской педагогики, которая уделяла внимание не первоисточникам, а мнению самого R. Steiner. С этим мнением и связано своеобразное восприятие О. Ohlendorf Тридцатилетней войны.

Известно, что антропософия опирается на формальную христианскую мистику, но одновременно на неоплатонизм, кабалистику, веданту и немецкую натурфилософию Гете, являясь по R. Steiner «Гетианством 20 века», украшенную символикой розенкрейцеров. Многие считают антропософию псевдохристианской оккультной сектой и основой идеологии национал-социализма [31, 32].

Новый антропософический человек стремится развить духовное «Я» и при этом, он на основании соединения мистики, фантазии, духовного опыта, мыслительных операций направленно создает личную мифологию, отделяющую его от группы. Аналогией может быть направленное воспитание сверхценных аутистических фантазий, своеобразный «аутизм наизнанку», при котором фантазии должны быть воплощены в реальность вопреки натиску прагматической действительности. Будучи индивидуалистической философией, антропософия противопоставляется любой государственной идеологии, поэтому в СССР и Германии ее запрет произошел почти синхронно в начале 30-х годов XX века. Но дело не в самой антропософии, а в том, что у предрасположенных личностей она способствует развитию скрытых как позитивных, так и негативных тенденций, бре-

доподобных фантазий и расщеплению «Я». Этого не происходит, если естественно-научное воспитание предшествует или соединяется с духовным. Отсюда среди поклонников антропософии с одной стороны мы можем встретить О. Ohlendorf и других нацистских лидеров, с другой М. Волошина, А. Белого, А. Швейцера, Й. Бойса и их теософических предшественников – Е. Блаватскую и Е. Рерих. Именно изначальная «почва» личности создает в одном случае личную мифологию, приводящую к гуманистической этической нравственности или веры, и в личную исключительность и предназначение – в другом. В случае О. Ohlendorf знаковая конструкция его почвы является шизотипической, то есть расщепленной и амбивалентной, соответственно и действия отличаются противоречивостью, то есть амбитендентностью. Ведущим эмоциональным стержнем таких шизо типов является холодность и жестокость, когнитивным – экономический расчёт. Хотя не исключено, что за фасадом подобных личностей кроется сентиментальность, романтизм, духоборчество. Этот личностный субстрат кристаллизуется под воздействием официальной мистической доктрины национал-социализма, которая императивно требует уничтожения как освобождения пространства для высшей расы. Социальный индуцированный бред находит своего реципиента и делает его «промежуточным» носителем бредовых и бредоподобных идей. Далее он выступает уже как вторичный индуктор. При бредоподобных фантазиях и бреде существует двойная ориентировка, один мир видится через символическую конструкцию, другой является реальным. С одной стороны карающий меч и «охранник Грааля», безжалостно уничтожающий жертв, с другой – нежный отец пятерых детей и любимец женщины, с одной стороны он – часть непрерывного процесса противостояний и борьбы уходящей вглубь веков или по крайней мере на четыре столетия в прошлое, с другой существующий в реальном времени служака обязанный выполнять приказы, с одной стороны человек считающий себя ответственным за все завоеванные рейхом территории и их «очистку от нежелательных элементов», но, в то же время, семьянин и домосед, привязанный к национальному очагу.

Поведение жертв массового насилия. Виктимология, как наука о процессе становления поведения жертвы простирается на различные области знаний от культурологических до социобиологических и экологических. Многие её аспекты применимы для изучаемой ситуации массового уничтожения. В этом, как и в других случаях, обращает на себя внимание за некоторым исключением, дисциплинированное и безропотное поведение идущих на смерть мучеников, их иллюзии о препровождении и транспортировке в «новое место пребывания», надежды на лучшее. В виктимологии подобный стиль обозначается как «неосмотрительность жертвы» («victim precipitation»), когда ей приписывается вина за само преступление [33]. Соответственно в связи с неосмотрительностью следует обвинение жертвы в ответственности за совершенное над ней насилие, которое связывают с особой расовой беспомощностью и готовностью идти на смерть, что равносильно скрытой тенденции к суицидальности [34]. Такое приписывание возможно и в нашем исследуемом случае, поскольку по описанию самого О. Ohlendorf, «Местная оперативная команда пыталась учсть всех евреев и объявила регистрацию. Регистрацию проводили сами евреи...». Регистраторы подозревали о своей участи, но, тем не менее, аккуратно её исполняли. Все они затем также были расстреляны. Существует определённая тропность выбора мест массового уничтожения, также как и экологических зон индивидуального насилия. Предпочтение отдается ямам, воронкам, ярам и рвам, оврагам, каньонам, высоким или обрывистым берегам, падение с которых скрывает жертв. Эти же зоны избираются для прятанья, затаивания, секретных миссий и обороны. Общим для этой экологии является покров тайны. Демонстративное уничтожение в людных местах и площадях, приговоренных к уничтожению вплоть до XX века, сменяется некими секретными миссиями уже с Первой мировой войны. Это связано с тем, что при массовом демонстративном уничтожении его «воспитательное» значение может быть нивелировано ответной агрессией наблюдателей в связи с тем, что вина жертв даже не доказана и не объявлена. Дистанцирование места уничтожения носит тот же смысл «прятанья» как и любое ограбление с последующим убийством [35].

Социобиологи [36 – 38] считают, что адаптивная реакция на агрессию может проявляться в следующих вариантах: агрессия жертвы, когда жертва вынуждена себя защищать даже в условиях неадекватной возможности противостояния, материнская агрессия, при защите ребёнка, реакция бегства, либо осмысленная либо хаотическая, застывание, автоматизм подчинения, чаще реакция застывания и автоматизм подчинения объединяются, поведение умиротворения. Соответственно, в группе каждый из типов реакций индуцируется. В описаниях очевидцев заметны все вариации этих реакций, но в целом преобладает застывание – подчинение, за которым кроется психология веры и надежды на спасение. В биологическом мире эта реакция делает жертву незаметной и сти-

мулирует подавление агрессии, но в этом же мире, не встречается группового насилия против представителей своего вида, это свойственно лишь человеку. Причиной преобладания реакции застывания – подчинения могут быть культуральные особенности, в частности доверие к предполагаемому агрессору, жёсткая фиксация собственной территории, но возможно и генетические причины, например, отсутствие немедленной реакции на агрессивно-предупредительные или конфликтные знаки агрессора, которые приводят целые народы к подчинению и ассимиляции, но не противостоянию оккупанту.

Жертвы агрессии могут подвергаться так называемой повторной виктимизации, то есть повторному насилию в результате их обвинения. Оно может выражаться в игнорировании и попытках забвения насилия, некорректности в воспоминаниях о произошедшем или его отрицании [39]. Гробокопательство и вскрытие мест массового захоронения могут относиться к символической повторной виктимизации, когда останки жертв вновь подвергаются ограблению и деструкции. Участники повторной виктимизации, по существу, психологически, являются теми же убийцам. Последующая мифология описывает все вариации поведения жертв, например их чудесное спасение, бегство или сопротивление. Однако, это единичные случаи, в целом все же преобладает психогенный ступор и безропотное подчинение, которые отчетливо индуцируются.

Таким образом, следует считать систему массового уничтожения психопатологическим симптомом социального индуцированного бреда, а исполнителей индукторами и реципиентами этого бреда или промежуточными носителями семиотической инфекции.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Индуцированный бред, который приводит к системе массового уничтожения и столь же массовому психогенному ступору жертв насилия является одним из примеров социальной психопатологии. На этом примере заметно, что в массовых социальных аномальных явлениях неотделимы или синкретичны все сферы психического статуса и невозможно разграничить эмоции, мышление, сознание, социальную память, выделить социальный интеллект или осевую личность массы.

Подобные социальные феномены могут быть пока описаны и поняты только с позиций социобиологии, как проявления биологии неких массовых инстинктивных явлений, модифицированных актуальной культурой и процессами направленного воспитания.

Другим вероятным подходом может быть эпидемический, при котором полагается, что идеологемы и мифологемы культуры неизбежно приводят к массообразованию развивающемуся по принципу психической эпидемии особенно опасной в связи с развитием современных информационных технологий.

Некоторые из возникающих социальных феноменов можно считать патологическими в связи с их деструктивностью и дезадаптивностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. – Петроград: Колос, 1921. – 436 с.
2. Дюркгейм Д. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Д. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М.: Академический проект, 2011. – 396 с.
5. Ясперс К. Призрак толпы / К. Ясперс, Ж. Бодрийар. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.
6. Samohvalov V. The ethology of poverty. The biology of Politics / V. Samohvalov, V. Egorov. – Simferopol: Crimea, 1994. – P. 26 – 34.
7. Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М.: Практика, 1997. – 1053 с.
8. Психиатрическая клиника / Под ред. В. П. Самохвалова. – Симферополь: КГМУ, 2003. – 608 с.
9. Zajonc R. B. Social Enhancement and Impairment of Performance in the Cockroach / R. B. Zajonc, A. Heingartner, E. M. Herman // J. of Personality and Social Psychology. – 1969. – Vol. 13 (2). – P. 83 – 92.
10. Zajonc R. B. Social Facilitation / R. B. Zajonc // Science. – 1965. – Vol. 149 (3681). – P. 269 – 274.
11. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. 3-е изд., доп. и перераб. / А. Л. Дворкин. – Нижний Новгород.: Изд-во братства святого Александра Невского, 2002. – 816 с.
12. Дмитриева Т. Б. Социальная психиатрия / Т. Б. Дмитриева, Н. С. Положий // Психиатрия: национальное руководство / Под ред. Т. Б. Дмитриевой, В. Н. Краснова [и др.]. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. – С. 134 – 169.

-
13. Conrad K. Das problem der nosologische Einheit in psychiatrie / K. Conrad. – Nervenarzt, 1959. – 134 p.
 14. Baudrillard J. L'Esprit du terrorisme / J. Baudrillard. – Power Inferno, 2002. – 96 p.
 15. Eibl-Eibesfeldt I. Human Ethology (Foundations of Human Behavior) / I. Eibl-Eibesfeldt. – Munich: Piper, 1997. – P. 279 – 313.
 16. Токарев С. А. История зарубежной этнографии. – М.: Высшая школа, 1978. – 354 с.
 17. Демос Л. Детские источники терроризма / Л. Демос // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. (Минск, 15 – 16.04.2004). – Мн.: БГУ, 2004. – С. 195 – 198.
 18. Fromm E. Anatomie der menschlichen Destruktivitat / E. Fromm. – Stuttgart: DVA, 1974. – 635 p.
 19. Eibl-Eibesfeldt I. The biology of peace and war. – London: Thames & Hudson, 1979. – 171 – 187 p.
 20. Lorenz K. Das sogenannte Bese / K. Lorenz. – Wien: Borotha Schoeler, 1963. – 47 s.
 21. Bandura A. Aggression: A Social Learning Analysis / A. Bandura. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973. – 358 p.
 22. Frustration and Aggression / J. Dollard, L. Doob, N. Miller. – New Haven: Yale Univ. Press, 1939. – P. 144 – 155.
 23. Хренников О. В. Типология и структура невербальных проявлений агрессивного поведения в различных этнических группах: дис. канд. биол. наук, 03.00.13 / Хренников Олег Владимирович; Симферопольский гос. ун-т им. М.В. Фрунзе. – Симферополь, 1997. – 130 с.
 24. Warburton D. M. Brain, Behavior, and Drugs: Introduction to the Neurochemistry of Behavior / D. M. Warburton. – London: Wiley, 1975. – 280 p.
 25. Medical association for prevention of war. – N.Y., 1963. – 349 p.
 26. War, its causes and correlates / M. A. Nettleship, R. Dalegivens, A. Nettleship (Eds.). – The Hague: Mouton, 1975. – 190 p.
 27. Prichard T. A treatise on insanity and other disorders affecting the mind / T. Prichard. – Philadelphia, 1837. – 1786 – P. 91.
 28. Шиллер Ф. Тридцатилетняя война / Ф. Шиллер. – М.: Художественная литература, 1957. – 786 с.
 29. Wedgwood C. V. The Thirty Years War / C. V. Wedgwood. – Methuen, 1938. – 542 p.
 30. <http://dritterreich.info/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=732>
 31. Reinsperger R. «Keeper of the Grail of the National Socialism» and Friend of the Anthroposophics? / R. Reinsperger. – электронный ресурс: http://www.egoisten.de/pixx/ohlendorf_en.pdf
 32. Кураев А. Вальдорфская педагогика: сделано в секте / А. Кураев. – электронный ресурс: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?id=574&page=book>
 33. Imelman J. D. Waldorf-Education. An outdated combination of religion and education Panorama / J. D. Imelman // Int. J. of Comparative Religious Education and Values. – 1992. – Vol. 4 (2), 1992. – P. 46.
 34. Karmen A. Crime Victims: An Introduction to Victimology / A. Karmen. – Wadsworth Publ., 2003. – P. 45 – 95.
 35. Meyerson G. Fascism and the Crisis of Pax Americana / G. Meyerson, M. J. Roberto. – электронный ресурс: <http://richgibson.com/fascismcrisis.htm>
 36. Wilson E. O. Sociobiology: The New Syntesis / E. O. Wilson. – Belknap Press, Harvard University Press, 2000. – 720 p.
 37. Hentig H. The Criminal and his Victim (Studies in the Sociobiology of Crime) / H. Hentig. – N.Y., 1948. – P. 303 – 309.
 38. Самохвалов В. П. Социобиология в психиатрии / В. П. Самохвалов, О. А. Гильбурд, В. И. Егоров. – М.: Видар, 2011. – 336 с.
 39. Campbell R. Secondary victimization of rape victims: insights from mental health professionals who treat survivors of violence / R. Campbell, S. Raja // Violence and victims. – 1999. – Vol. 14 (3). – P. 261 – 275.